

П.И. Гайденко

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЕПИСКОПОВ (КОНЕЦ X – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII ВВ.)

Воспитание и образование русского епископата ещё ни разу не представляло в качестве самостоятельной научной проблемы. Между тем, знание степени интеллектуальной подготовки архиереев способно приблизить исследователей Русской Православной Церкви к лучшему пониманию как самих религиозных процессов, так и принципов организации и деятельности церковных институтов. В представленной статье предпринята попытка описать и проанализировать общий уровень грамотности первых древнерусских иерархов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Киевская Русь, древнерусский епископат, образование в Древней Руси.

Вопрос об образовании и воспитании русского епископата, в том числе его древнейших представителей, кажется, ни разу не представлял в качестве отдельной, самостоятельной научной проблемы. Немногочисленные и нередко оправданно эмоциональные замечания по этому поводу в какой-то мере закрывали существующую в данном отношении лагуну, представляя возможность любознательному исследователю или читателю получить некое общее представление о «типичном» древнерусском архипастыре¹. Но насколько верно говорить о «типичном русском архиерее» в условиях, когда епископии существовали фактически автономно друг от друга, принципы и процедуры формирования подбора кадров на святительские вакансии и порядок поставления на кафедры ещё не вполне изучены², а между епископами почти не существовало плотных и регулярных отношений, если только иерархи не были выходцами из Печерского мо-

Павел Иванович Гайденко — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технического университета, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета (paul08kaz@gambler.ru).

¹ Большинство этих замечаний не столько решали обозначенную проблему, сколько пробовали воссоздать некий образ архиерея (см. замечания и наблюдения: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. С. 557–560; *Добротворский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2001. С. 41; *Никольский М.Н.* История русской церкви / М. Н. Никольский. М.: Политиздат, 1985. С. 31–32).

² *Гайденко П.И.* Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. 2013.

настыря³, или этого не требовали вопросы банального выживания во время возникновения и разрастания внутрицерковных конфликтов?⁴ Поэтому проблемы образования, воспитания и происхождения русского епископата по-прежнему нуждаются в детальном изучении.

Не вызывает сомнения, что архиерей как глава вверенного ему округа и лицо, возглавляющее религиозную жизнь своей паствы (не только нравственную, богослужбную, но административно-каноническую), должен был соответствовать самым высоким требованиям. Большая часть ожидаемых от него качеств была весьма подробно изложена апостолом Павлом⁵. Хочется заметить, что гра-

№1. С. 207–225.; *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о Чине поставления епископов // *Древняя Русь*. 2011. №2 (44). С. 118–119.

³Судя по всему, проблема отношений между епископами, воспитанными в Печерской обители не так проста и ясна, как это кажется в первый момент. Если опереться на сообщения источников, можно заключить, что близкие связи между архипастырями-печерянами существовали только на начальном этапе истории монастыря (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199, 200–202.; *Киево-Печерский патерик* // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 2004. С. 314–315, 326–327; *Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исайя епископа Ростовьскаго чудотворца* // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12. С. 258–259). Очевидно, по мере переподчинения обители прп. Феодосия митрополиту и греческим настоятелям тёплые отношения между бывшими насельниками в епископском сане и родными, если и не прекратились, на что указывает переписка Симона и Поликарпа, которых связывали какие-то очень близкие либо кровно, либо духовно родственные отношения, то, во всяком случае, стали угасать. Можно констатировать, что летописные и патериковые записи, относящиеся к событиям XII–XIII столетий, не зафиксировали между епископами, выходцами из прославленной обители, примеров тёплых отношений подобных тем, что являлись вокруг событий, связанных с прославлением прп. Феодосия или освящением Успенского собора.

⁴Примеры подобного общения немногочисленны, но весьма показательны. Во-первых, это переписка между Нифонтом новгородским (при посредстве прп. Кирика) и смоленским епископом (Вопрошание Кириково // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 417 (вопр. 43), 444–445 (коммент. 81, 82)), расчётливо искавшего благосклонного внимания влиятельного и властного русского архиепископа, во-вторых, поучение Кирилла Туровского в адрес Андрея Боголюбского и Феодора Ростовского (Кирилл монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди о воскресении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // *Колесов В.В.* Кирилл Туровский: Творения блаж. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты. М., 2009. С. 23–40) и, наконец, в-третьих, тёплые и взаимовыгодные отношения между митрополитом Константином и опытным интриганом черниговским епископом Антонием, который в итоге и похоронил своего первосвященника (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349, 354–355).

⁵«Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чистен, страннлюбив, учителен, не пьяница, ни бийца, ни сварлив, ни корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церк-

мотность и образованность не значились среди неперенных достоинств соискателя епископской кафедры. Скорее наоборот, образ рыбака-апостола оказывался сопряжённым с образом «некнижного человека», при котором религиозное сознание нередко предпочитало видеть пастыря или архипастыря человеком, не обременённым книжной мирской мудростью⁶.

Однако при том, что требования к моральным качествам иерархов в течение столетий в целом не претерпевали каких-либо существенных изменений, ожидания от «внешней» стороны жизни архипастырей в том числе в области образования изменялись. Со временем, во всяком случае, уже на исходе IV – в начале V столетий одним из качеств, которым должен был обладать архиерей, уже значилась грамотность, потребность в которой объяснялась возникновением развитой книжной культуры богослужения и нуждами формировавшегося богословия. Что касается требований к уровню образования епископата, то данная проблема была всецело обусловлена историко-культурными реалиями общества, из которого происходил пастырь, и в котором он совершал своё служение. Впрочем, даже в Византии, являвшей собой пример общества и государства высочайших культурных достижений Средневековья, проблема образованности

ви Божией? Не должен быть из новообращённых, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему так же иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» (1Тим 3:2–7).

⁶Священное Писание христиан действительно как будто бы неодобрительно относилось к «книжности» и «философии» (Кол 2:8). Однако это неприятие было связано с талмудической книжной традицией и некоторыми философскими космологическими концепциями греко-римского мира. Не менее жуткими негодьями выглядели и евангельские «книжники», одни из виновников распятия Христа (Мф 20:18; 23:2, 13; 26:3; Лк 22:2 и т.д.). Поэтому неудивительно, что господствовавшее у части христиан вульгарное понимание евангельских слов фактически канонизировало, если и не отрицательное, то уж несомненно неодобрительное и настороженное отношение церковной среды к образцам высокого образования. Между тем, недоброжелатели «философии» не принимали во внимание ряд обстоятельств. Новозаветные «книжники» — не «иудейская интеллигенция», а иудейское течение по вопросам толкования ряда сторон книг Торы. Под «не книжными» людьми в еврейском обществе I века, реалии которого представлены в Евангелии, понимали не малограмотных или совершенно безграмотных людей, а лиц, не получивших своего рода «книжного», т.е. талмудического «богословского» образования, открывавшего дорогу к достижению положения рабби. К тому же, если верить церковному преданию, по крайней мере, три апостола — Павел, Матфей и Лука были достаточно образованными лицами, обладавшими как начатками элементарного философского знания и его методов, знания математического и финансового счёта и налоговых норм и, наконец, медицинскими знаниями соответственно (Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель: Жизнь с Богом, 1964. С. 65–67; Тальберг Н. История христианской церкви. М.; Нью-Йорк, 1991. С. 20).

епископов оставалась открытой и далёкой от разрешения на протяжении всей истории империи⁷. Естественно, что в условиях Руси, находившейся на самой границе, а лучше сказать «на задворках» христианского мира и того, что можно было назвать в тот период «европейской цивилизацией», обозначенный вопрос должен был звучать особенно остро.

О состоянии интеллектуальной подготовки русских святителей можно судить по высказываниям современников, и таковые характеристики грамотности и интеллектуальных способностей архипастырей в итоге оказались неоднозначными. Только немногие из древнерусских иерархов отмечались похвалами за свою образованность или то, что принимали за таковую. Из числа митрополитов к ним относятся Иларион, Георгий, Иоанн II, Никифор и Климент Смолятич. Некоторые из них названы людьми «книжными»⁸, а при характеристике Иоанна и Климента были применены формулы «не быс(ть) преже в Руси. ни по немь не боудеть такий» и «такъ якоже в Роуской земли не бяшеть»⁹. Что касается Илариона, то созданное им «Слово», вполне может рассматриваться в качестве образцового произведения древнерусской литературы.

Несколько лучше обстояло дело в отношении митрополитов-греков. Например, митрополит Никифор оставил после себя самый большой корпус ли-

⁷ Несомненно, византийцы превосходили русских своей образованностью и культурой, но и в империи ситуация была непростой даже в эпоху её цветения. Свт. Григорий Богослов среди прочих обвинений в адрес епископата своего времени (IV в.) произносил и такие слова: «Невежественные епископы, вчерашние пахари и матросы, учащие других и одновременно запрещающие заниматься науками другим, гонители классического образования, дабы не обнажилось их собственное невежество, ссылающиеся на необразованность апостолов, но сами не имеющие и тысячной доли духовных дарований; молодые люди, поставленные на кафедру без должного испытания, у которых и бороды еще нет и на уме одни плотские дела; обжоры, львы перед бедными и псы-лизоблюды перед властью имущими; лицемеры, интриганы, карьеристы, занятые только собственной семьей и доходами, превратившие служение Богу в личный бизнес, интересующиеся только развлечениями и не читающие и не изучающие Священного Писания, беспринципные в делах веры» — вот лишь немногие зарисовки и характеристики епископата под пером святителя. Не была решена эта проблема и в последующие эпохи, в том числе в XI в. (См. текст и комментарии: *Григорий Богослов, свт. О себе самом и о епископах* / Предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. иер. Алексея Ястребова. Церковь и время, 2003. № 1 (22). С. 106–172; *Григорий Богослов, свт. О себе самом и о епископах* / Введение А.Г. Дунаева, предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. свящ. Алексея Ястребова // Сайт А.Г. Дунаева. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm. (Дата обращения: 08.07.2013).

⁸ Если быть точными, то при характеристике Иоанна II было сказано, что тот был «муж хитрь книшамь и ученью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199). Что касается Климента Смолятича, то его летописная характеристика не менее интересна: «и быс(ть) книжникъ. и философъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340).

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200, 340.

тературных сочинений¹⁰. Несколько сложнее обстоит дело с митр. Феопемптом. М.Д. Присёлков полагал, что по инициативе названного святителя возник древнейший летописный свод¹¹. Вместе с этим достаточных оснований для того, чтобы подтвердить высказанную им идею, источники не предоставляют. Высока вероятность того, что именно с Феопемптом связано появление на Руси Студийского устава. Высказанные по данному поводу суждения А. Поппэ, основывавшегося, во-первых, на интерпретации митрополичьих именных булл с изображением патрона студийского монастыря Иоанна Предтечи, во-вторых, на трактовке программы росписи Киевской Софии и, в-третьих, на практике поставления игуменов Печерской обители в период жизни Антония Печерского, видятся вполне обоснованными¹².

Очевидно, к книжной культуре тяготел русский митрополит Ефрем Переяславский. Его причастность к введению Студийского Устава¹³ и составлению цикла произведений, связанных с культом свт. Николая¹⁴ позволяют говорить

¹⁰См. источники и работу: Митрополит Никифор / Исслед. В.В. Милькова, С.В. Мильковой, С.М. Полянского; подг. текстов В.В. Милькова и С.В. Мильковой; пер. С.М. Полянского; коммент. А.И. Макарова, В.В. Милькова, С.М. Полянского. СПб., 2007.

¹¹*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 52.

¹²*Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ, 2011. С. 28–40.

¹³«По сихъ же посла единого отъ братия въ Костянтинь градъ къ Ефрему скопцю, да весь уставъ Студийскааго монастыря, испьсавъ, присълетъ ему. Онъ же преподобнааго отъца нашего повеленая ту абие створи, и весь уставъ монастырьскый испьсавъ, и посъла къ блаженному отъцю нашему Феодосию» (Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, перевод и комментарий О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачёва; под общ. ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева. М., 1978. С. 334, 335; *Пентковский А.М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001; *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря...).

¹⁴О латинском влиянии на формирование культа свт. Николая на Руси см.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Ч. 2. С. 398–400; *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. к.и.н. СПб., 2011. С. 146–151; (диссертация была издана в форме монографии) *Костромин К.А., свящ.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken., 2012. С. 147–152; *Симонова А.А.* Эволюция древнерусского религиозного мировоззрения IX–XIV вв.: дисс. к.и.н. М., 2011. С. 127–147; *Она же.* Эволюция древнерусского религиозного мировоззрения IX–XIV вв. (к вопросу о влиянии ирландской христианской традиции): автореф. дисс. к.и.н. М., 2011. С. 17.

о нём, как о человеке, хорошо знакомом с литургическими практиками и соответствующей литературой Византии и Западной Европы¹⁵.

Короткий список митрополитов-интеллектуалов несколько расширяется за счёт ещё двух имен — имени митрополита Льва (Леона, Леонтия), благодаря его безликому и практически не востребовавшему в древнерусской литературе полемическому произведению¹⁶, и митрополита Кирилла II¹⁷, которому принадлежит предельно краткое послание новгородцам¹⁸.

В итоге, в основу книжного наследия византийских по происхождению первосвятителей домонгольской Руси легло несколько антилатинских посланий, авторами которых оказались одни лишь греки: митрополиты Лев, Иоанн II, Георгий, Никифор и игумен Феодосий-грек, чьё произведение наверняка могло быть связано с интересами митрополии и империи¹⁹. Правда, с именем Георгия связано появление ещё двух произведений: 1) версии студийского устава²⁰, переписывание которого, впрочем, было заслугой не первосвятителя, а уже упоминавшегося инока Ефрема, будущего переяславского митрополита²¹, и 2) ка-

¹⁵О Ефреме Переяславском и его произведениях см.: *Хрусталёв Д.Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.

¹⁶Послание Переяславль-русского митрополита Льва (Леона) об опресноках // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 321–335 (*далее* – ПОМДР); *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 40.

¹⁷Личность Кирилла загадочна. Не ясна его национальная принадлежность. Пространные упоминания о нём присутствуют только в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 512; Т. 3. С. 282; Т. 10. С. 88, 103). Митрополит Макарий (Булгаков) в суждениях о Кирилле не совсем корректно ссылается на Лаврентьевскую и Новгородскую Первую летописи, которые извещают только о смерти святителя, но ничего не знают о деятельности этого первоиерарха (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / Науч. ред. А.В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2. С. 294, 497 (примеч. 30, 32); *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. С. 957–958).

¹⁸ПСРЛ. Т. 10. С. 149; Послание митрополита Кирилла к новгородцам // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 321, 640 (коммент. 691).

¹⁹*Галимов Т.Р.* Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. 2. С. 39–42.

²⁰ПСРЛ. Т. 1. Стб. 160; Киево-Печерский патерик... С. 322–323.

²¹Вопрос о том, насколько оправданно видеть в монахе Ефреме и митрополите Ефреме одно и то же лицо, должен быть отнесён к числу дискуссионных (о личности и деятельности Ефрема см. подробнее: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г.): Т. 1. СПб., 1996. С. 54, 55, 85, 88, 211, 214, 280–281, 383, 452; *Хрусталёв Д.Г.*

нонического сборника, который, правда, дошёл до нашего времени с существенными изменениями²². Аналогично обстоит дело и с митрополитом Иоанном, чьи канонические ответы представляют второй после Георгия пример русского церковноправового свода-вопросания.

Не исключено, среди византийских иерархов присутствовала своего рода потребность в литературных упражнениях в жанре антилатинской полемики. Чем можно объяснить существование такого феномена? Возможных причин несколько. Во-первых, создание подобных произведений могло рассматриваться в качестве обязанности, порождённой статусом епископата. Скорее всего, такое сочинительство служило своеобразной декларацией своей благонадёжности перед властями империи. Во-вторых, в условиях Руси, с её теснейшими связями со знатью и правящими домами Западной Европы, с точки зрения византийцев и грекофилов, существовала реальная необходимость в обличении латинских «заблуждений». Вероятно, создававшиеся произведения писались с расчётом быть зачитанными перед князем и местными элитами. Как правило, подобные сочинения представляли собой попытку влияния на европейскую политику правящего рода²³. В-четвёртых, антилатинские послания наверняка адресовались и для духовенства. Церковные иерархи, в лице византийцев, едва ли были готовы легко согласиться с той мягкостью и снисходительностью, которая присутствовала в умонастроениях русского духовенства в отношении латинских обычаев. Достаточно отметить, что тот же Анастас Корсунянин, обласканный князем Владимиром, в период опасности предпочёл найти себе убежище не в Византии, а в Польше, и летописец сообщил об этом без какого-либо осуждения²⁴.

Не менее краток список епископов, так или иначе тяготевших к книжной культуре или хотя бы замеченных в интересе к чтению или созданию ли-

Разыскания о Ефреме переяславском... С. 21–73). Однако в нашем исследовании этот вопрос не относится к числу принципиальных, поскольку уже своим существованием он лишний раз подтверждает запутанность исторических проблем, связанных с деятельностью древнерусского епископата.

²²Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопросание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211–262.

²³Галимов Т.Р. Место церковной иерархии в византийской политике в отношении Киевской Руси // Казанская наука. 2012. № 10. С. 33–38.

²⁴ПСРЛ. Т. 2. Стб. 131.

тературных произведений. Это новгородские архиереи Лука Жидята (†1060)²⁵, Никита (†1108)²⁶, Даниил (†1121)²⁷, Нифонт (†1156) и Аркадий (†1163)²⁸, Илья (†1165)²⁹ и Антоний Ядрейкович (Андрейкович) (†1232)³⁰, белгородский епископ Григорий († до сер. XIII в.)³¹, святители Кирилл Туровский († ок. 1182)³² и

²⁵ Луке принадлежит первое из сохранившихся поучений (ПСРЛ. Т. 4. С. 119–120; о поучении Луки см.: *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 136–146).

²⁶ Печерский Патерик сообщает об особой тяге Никиты к текстам библейских книг Ветхого Завета (Киево-Печерский патерик. С. 392–397).

²⁷ Даниилу, епископу Юрьевскому, возведённому на кафедру в год вступления в Киев Мономаха, принадлежит послание Владимиру Всеволодовичу, представляющее собой, пожалуй, едва ли не первый пример архипастырского печалования перед князем за провинившихся (Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху (текст, перевод, комментарии) // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 29–58).

²⁸ Аркадий был одним из собеседников Кирика, о чём сообщал сам составитель «Вопрошания» (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека (*далее* — РИБ). Т. 6. Ч. 1. Стб. 34 (Кирик 45 и посл.); Вопрошание Кириково... С. 417–418; *Мильков В.В.* Вопрошание Кирикова (Вводная часть) // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 352).

²⁹ Причастность архиепископа Ильи к составлению «Вопрошания» носит гипотетический характер, основанный на отождествлении одного из составителей канонического свода, священника Ильи, с будущим архиепископом Ильёй (Иоанном). Но, несомненно лишь то, что «Ильино вопрошание», формально включённое в состав «Вопрошания» Кирика, эклектичность, внешней структуры которого очевидна, представляет собой самостоятельное произведение (*Мильков В.В.* Вопрошание Кирикова (Вводная часть)... С. 352). Кроме этого Илье приписывается ещё дин памятник, «Постановление» (Постановление Ильи, архиепископа новгородского, и неизвестного белоезерского епископа по двум случаям при совершении литургии // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 75–78).

³⁰ С его именем связано появление одного из «Хожений». Правда, само путешествие было совершено Антонием ещё задолго до того, как тот стал владыкой (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 140–143; О культуре паломничества и литературных переживаниях и рецепциях этого явления см. *Малето Е.И.* Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков: дисс. д.и.н. Тамбов, 2011).

³¹ Григорию приписывается «Слово святого Григория Богослова (о пьяницах)», «Почтение Философа» (Почтение философа, епископа белгородского // Библиотека литературы Древней Руси (*далее* — БЛДР): Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 2004. С. 286–291; *Соболевский А.И.* Два русских поучения с именем Григория // Известия отделения русского языка и словесности. Т. 12. Кн. 1. 1907. С. 250–262; *Колесов В.В.* Григорий, епископ Белгородский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988).

³² *Колесов В.В.* Творения блаж. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы: Исследования // *История МР.* 2009. С. 141–142. *Славяно-русский Кирилл Туровский* // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 202–236

Симон Суздальский (†1226), названный «милостивым и учительным»³³. Правда, что касается Нифонта, то рассматривать его в качестве автора самостоятельных произведений никак нельзя. Он был организатором владычного летописания и лицом, благословившим³⁴ каноническую реформу Кирика. В равной мере данное замечание относится и к Аркадию. Сами они ничего не написали (или ничего после себя не оставили или до нас не дошло). И тем не менее, ответы Нифонта и Аркадия ясно указывают на то, что они были знакомы с бытовавшими в тот период на Руси каноническими сборниками, правда, теми, которые можно было бы назвать святоотеческими.

Также неоднозначно может быть оценён труд новгородского владыки Антония. При анализе его книги-хождения О.А. Белоброва обратила внимание на обилие использованных в сочинении просторечных форм имён и названий³⁵. А это означает, что будущий архиепископ не получил систематического образования, позволившего бы ему более изыскано и точно выражать свои мысли. Вероятно, в своё время обучение Антония было ограничено усвоением элементарных знаний и основ письма, из чего можно заключить, что рассматриваемое творение было не только плодом благочестия, но и результатом деятельности пытливого ума, занимавшегося самообразованием. Очевидно, на Руси в церковном кругу уже бытовали подобные произведения, что и позволило будущему новгородскому владыке создать собственное сочинение, наполнив его своими чувствами

³³Симон Суздальский или Владимирский является составителем Киево-Печерского патерика. Данное произведение, выросшее из письма, содержавшего иноческие наставления, до грандиозного свода житий киево-печерских святых, стало своего рода энциклопедией древнерусской монашеской жизни XI–XIII вв. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448; Киево-Печерский патерик. С. 296–641; об истории Патерика см.: *Шахматов А.А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Ранние русские летописи X–XII вв. / Отв. ред. В.К. Зибров и В.В. Яковлев. СПб., 2003. Т.1. Кн. 2. С. 75–102).

³⁴Нифонта необходимо рассматривать как лицо, благословившее, но никак не инициировавшее создание «Вопрошания». Судя по тексту названного произведения, сформулированным в нём вопросам и его структуре, выявлявших интересы вопрошателей, идея написания канонического свода всё же принадлежала не Нифонту, а Кирику, круг обязанностей которого и поставил перед domestikом проблему систематизации церковного права применительно к реалиям Новгорода (*Гайдено П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // *Вестник Челябинского государственного университета: История.* Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 83–92).

³⁵*Белоброва О.А.* О книге «Паломник» Антония Новгородского // *Византийские очерки.* М., 1977. С. 227.

и речевыми «ошибками», придавшими данному «Хожению» неповторимость и оригинальность.

Специфические оценки уровня грамотности и компетентности архиереев можно обнаружить не только у древнерусских авторов, но и в зарубежных источниках. Так, описывая пребывание в Лионе митрополита Петра Анкеревича, составитель анналов Бертонского монастыря оставил следующую характеристику древнерусского архиерея: «Среди прочих прелатов мира прибыл на собор в Лионе рутенский архиепископ по имени Петр, который, как утверждали некоторые, вернувшиеся с собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни еврейского языка и всё же через толмача блестяще перед лицом его святейшества папы изложил Евангелие»³⁶. Очевидно, что Петр был грамотен, смыслён в делах политических и религиозных, но всё же даже по западноевропейским меркам — недообразован.

Несомненно, архиереи не могли не пользоваться книгами. Вопрос заключается лишь в том, что именно они читали (служебники-лекционные или же нечто более «существенное»)? Как часто это происходило и какой имело результат, если имело вообще какой-либо результат, для жизни архипастыря и для судеб паствы? В этом отношении занят сюжет, связанный с ростовским епископом Кириллом. Отмеченный в политических делах и в склонности к стяжательству упомянутый архиерей ни разу не был замечен как человек, интересующийся литературой. Однако, как выяснилось позже, она повлияла и на его судьбу, правда, весьма странным образом. Оставив кафедру и удалившись «на покой», епископ забрал с собой огромное даже по меркам нашего времени имущество³⁷. Среди присвоенного им значились в том числе книги, которые, правда, рассматривались летописцами, обвинителями и свидетелями дела не как интеллектуальный багаж святителя, а как материальное богатство. Из летописного текста, как и из жизни архиерея ничего нельзя заключить о том, что это была за литература и насколько она была востребована престарелым архипастырем в качестве источника каких-либо знаний и кладезя духовного опыта. Собственно, и сами современники, отбирая имущество, очевидно, полагали, что старому архиерею, удалившемуся на отдых для молитв и покоя, эти книги ни к чему.

³⁶ *Анналы Бертонского монастыря (конец XIII в.) // Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 181.*

³⁷ *ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 109.*

Таким образом, вырисовывается весьма примечательная ситуация вокруг проблемы востребованности книг в церковной среде Руси.

Правда, нельзя не признать, что литературные способности некоторых, казалось бы заслуживающих внимания архипастырей, так и не были замечены летописцами. Причём это касалось самых плодovitых на литературном поприще лиц. Скажем, если оценить вклад разных архиереев в создание фонда письменных памятников Древней Руси, то превознесённый летописцем за свою книжность Иоанн II оставил после себя лишь «Канонические ответы» и послание антипапе Клименту III³⁸, в то время как митрополит Никифор и епископ Кирилл Туровский, чьё существенное для своего времени литературное наследие даже суммарно значительно превосходит литературные усилия всего архиерейского корпуса домонгольского периода, вообще не удостоились каких-либо даже скромных похвал за свои, несомненно, высокие поэтические, интеллектуальные и иные дарования и успехи³⁹. Чем можно объяснить умолчание летописцев подобного положения дел?

Никифор был греком и его творения нуждались в переводах, что и могло привести к недооценке литературных заслуг святителя при его жизни. Но как быть с Кириллом? Его произведения в Древней Руси воспринимались как образцовые, но имя этого святителя даже не попало в южнорусское летописание. Гуляющая из статьи в статью ссылка на якобы имеющееся упоминание имени Кирилла в Ипатьевской летописи под 1169 г.⁴⁰ — ошибочна. Поэтому единственная причина подобных умолчаний — церковно-политическая конъюнктура, тем более, что святительство Кирилла выпало на период наибольшей политической автономии Тулова от Киева.

Указанная особенность труда летописцев, для которых была характерна подозрительная избирательность сюжетов и личностей, с точки зрения современного взгляда, едва ли может найти исчерпывающее вразумительное истол-

³⁸РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 1–20; Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы. СПб., 1992. С. 24–40.

³⁹Примечательно, что при всей деятельной активности митрополита Никифора известие о его смерти (†1121) прозвучало как-то сухо и буднично. Летописец лишь особо отметил, что Никифор скончался в апреле в Киеве. Драматизм этому сообщению придала запись о том, что в тот год случилось лунное и солнечное «знамения», а в январе преставилась супруга князя Мстислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286). Никаких посмертных слов, подобных тем, что были сказаны в адрес Иоанна II, в отношении Никифора так и не прозвучало.

⁴⁰*Сон Джонг Со.* Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 230.

кование. Если сравнивать произведения русских авторов, даже если они были из греков, с византийскими сочинениями этого периода, то как с литературной, так и с канонической точек зрения достоинства работы Георгия, Иоанна II и Нифонта Новгородского безупречны. К тому же, как уже было отмечено, свод канонических рекомендаций Нифонта самому епископу не принадлежал и был плодом многолетнего труда учёного монаха Кирика и его последователей священников Саввы и Ильи. Не менее показательно отношение современников к этому новгородскому владыке. Оценка усилий и трудов названного святителя со стороны горожан оказалась противоречивой. Очевидно, на берегах Волхова знали цену не только добродетелям своего архипастыря, но и его амбициям. Эти настроения нашли своё отражение в посмертном слове⁴¹. В это же время в Киеве, а особенно в Печерском монастыре, где Нифонта знали как самого успешного из своих питомцев, новгородского владыку искренне идеализировали. В нём видели едва ли не святого исповедника и страдальца⁴².

Не менее противоречива оценка письма Иоанна II папе. Присутствующая в послании полемика и приводимые доводы традиционны, в некоторых случаях схоластичны и в целом ничего нового в догматических взглядах сторон не выявили, правда, сосредоточились на наиболее существенных разногласиях церкви, отбросив всё второстепенное. В этом отношении послание Иоанна превосходит горячий и мелочный абсурд наставлений Феодосия⁴³ к князю Изяславу⁴⁴. Что же касается формы письма Иоанна, то его достоинство заключается в

⁴¹Известие о смерти Нифонта (†1156) доносит до потомков не только сожаления о смерти архиепископа и сетование о том, что владыка был похоронен не в Новгороде, а в Киеве, но и явный ропот в адрес почившего: «книи же мнози глаголаху, яко, лупив святую Софью, и пошёл к Цесарюграду; много глаголаху на нь, нь собе на грех» (ПСРЛ. Т. 3. С. 216). Создаётся впечатление, что многие были недовольны Нифонтом. Наиболее вероятная причина этих недовольств — большие материальные траты, связанные с ремонтом храма и удалённой поездкой властного архиерея.

⁴²Киево-Печерский патерик... С. 352–355, 360, 361.

⁴³Вопрос о личности Феодосия, точнее о его отождествлении с прп. Феодосием Печерским или Феодосием-греком считается дискуссионным. Как нам видится, черту этим спорам подвело исследование К.А. Костромина (*Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы.* СПб., 1992. С. 6–13 сравн. *Костромин К.А., свящ. Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. 1(36) С. 6–97).*

⁴⁴Послание о неделе // *Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.* С. 14–15; Послание о вере латинской // Там же. С. 15–18; Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христанской и о латыньской» // ПОМДР. М., 2010. Т. 1. С. 295–297. О мелочных сторонах поучений Феодосия см.: *Гайденко П.И. Место письменных наставлений и*

том, что оно выдаёт личное отношение Иоанна к понтифику. Русскому перво-святителю, чья кафедра украшала границы христианского мира, пугавшие современников своей дикостью и удалённостью, явно льстило обращение к нему папы⁴⁵. Доброжелательность данного послания исключительна и с литературной точки зрения. В указанном плане письмо Иоанна необычно для дипломатической практики и представляет не совсем типичный образец эпистолярного жанра своей эпохи, когда дело касалось вопросов веры⁴⁶.

Также неоднозначна оценка канонических ответов митрополита Георгия, подвергшихся в XII в. существенному редактированию⁴⁷.

Нельзя исключать того, что истоки такой странной необъективности и, может быть, даже предвзятости летописцев следует искать в идейных взглядах названных архиереев, а также в политической конъюнктуре, которой наверняка были подвержены составители сводов. Иоанн II — любимец Всеволода, отца Владимира Мономаха. Оба князя были виновны в не вполне законном занятии киевского стола и нуждались, по крайней мере, в божественном оправдании. Усилиями Владимира, собственно, Повесть временных лет, эсхатологические цели составления которой вполне очевидны⁴⁸, и приобрела известные нам вид и смыслы, «заточенные» под интересы потомства Всеволода.

назидательных посланий духовенства // *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси: Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства / Науч. ред. И.Н. Данилевский, И.П. Ермолаев. Казань; Набережные Челны, 2008. С. 168–169.

⁴⁵Об этом можно судить даже по формам обращения, которые употреблял Иоанн в письме к понтифику: «Любезна мне любовь твоя о Господе, о, божий человек, апостольского достойный престола и звания, как, сидя далеко от нашей худости и смирения, любовными крылами достигаешь нас и приветствуешь, словно близких своих, с любовью, и вопрошаешь духовно, и нашей вере, истинной и православной, что держим мы, дишься, как о том вашего священства епископ возвестил нам» (Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III... С. 37). Во всяком случае, доброжелательность данного послания очевидна. См. замечания об этом: *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 61; *Костромин К.А., свящ.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений... С. 153–155.

⁴⁶*Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян... С. 61.

⁴⁷*Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание». С. 211–262.

⁴⁸*Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 243–247.

Несколько иная ситуация во взаимоотношениях митрополита Никифора и Владимира Мономаха, во многом обязанного своим великокняжеским престолом киевскому первосвятителю⁴⁹. Даже несмотря на то, что при Никифоре и Мономахе произошла переориентация интересов великокняжеского стола в сторону Византии, общение этих двух сильных, властных и выдающихся личностей оказалось не столь однозначным⁵⁰. Вероятно, мирные отношения между князем и митрополитом были испорчены русско-византийским военным противостоянием 1116 г.⁵¹ Летописцы не могли не ощущать подобных веяний при дворе князя. Поэтому достоинства Иоанна, прямо не вникавшего в дела князя, оказались чуть преувеличенными, а заслуги Нифонта, имевшего неосторожность навязывать Мономаху некоторые свои идеи, несколько преуменьшенными. Из всего этого можно заключить, что образованные, начитанные и по-настоящему «книжные» лица на древнерусских кафедрах были явлением исключительным.

Тем не менее, справедливо ли видеть главной виновницей ситуации исключительно одну лишь епископскую среду? Не менее острыми стали бы иные вопросы, связанные с интересами и подготовленностью самого древнерусского общества к принятию святительской власти. Действительно, нуждалась ли сама паства и местное русское духовенство в высокообразованных архиереях? Способна ли была церковная среда Руси принять грамотного и начитанного архипастыря? Скорее всего, ответ окажется отрицательным. Вероятно, и сами князья далеко не всегда приветствовали в своём окружении сильных и образованных архиереев. Сменивший Иоанна II Иоанн III был не только хил, слаб, болен и изувечен (скопец), но и «прост умом»⁵². Если учесть, что новый митрополит был привезён в Киев в обозе Янки, Анны Всеволодовны, дочери великого князя Всеволода Ярославича, то нельзя исключать того, что в при всех достоинствах предыдущего обладателя русской первосвященнической кафедры, при княжеском дворе неоднозначно оценивали деятельность покойного митрополита и более не стремились видеть около себя подобную же сильную личность. Возможно, именно поэтому выбор Янки пал на «простого умом», старого, больного и, наверное, глуповатого Иоанна III.

⁴⁹ *Петр (Гайденко П.И.), иером., Филитов В.Г.* Несколько замечаний о интересах Церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 173–184.

⁵⁰ *Костромин К.А., свящ.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений... С. 171–173, 177–178.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 283–284; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв... С. 182.

⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

Пытаясь оправдать столь специфичную летописную характеристику митрополита, А.В. Поппэ вполне резонно заметил, что «простота ума» не обязательно означала глупость. Под ней могли понимать и «апостольскую простоту», и отсутствие систематического богословского образования «некнижного мужа», и простодушие, и открытость, и бесхитрость⁵³. Но и в этом случае, нельзя не признать того, что Иоанн III значительно уступал своему предшественнику умом и талантами.

Не менее показательно отрицательное и насмешливое отношение некоего пресвитера Фомы к творчеству Климента Смолятича⁵⁴. Намёк на неодобрительное отношение к некоторым знаниям присутствует и в рассказе о печерском монахе преподобном Никите-затворнике, о будущем епископе Новорода⁵⁵. Правда, последнее не так однозначно. Братия осуждала не столько учёность Никиты, сколько его увлечённость ветхозаветными книгами, в которых видели «жидовские писания». Очевидно, затворник, по мнению насельников обители, недооценивал Новый Завет, что и вызывало недоверие к нему со стороны собратьев. К тому же неодобрительную оценку получила и молитвенная практика Никиты, приведшая подвижника к прелести. Однако было бы ошибкой не признать того, что у автора рассказа о Никите присутствовало восхищение способностями Никиты, его знания текстов и дар воспроизводить их по памяти⁵⁶.

Очевидно, среди священнослужителей отношение к образованию было настороженным, а порой и отрицательным⁵⁷. Собственно, уже то, что интеллектуальные достижения некоторых, безусловно, выдающихся церковных авторов не были отмечены в летописании, наводит на мысль, что составители записей о

⁵³ Поппэ А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря... С. 65.

⁵⁴ Имя Фомы в этом отношении примечательно, потому что существует соблазн провести параллель между пресвитером Фомой и евангельским Фомой «неверующим». Тем не менее, оснований для утверждения о существовании таких параллелей пока недостаточно (Послание Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афонасием, Господи, благослови, отче! // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб., 1992. С. 124).

⁵⁵ Киево-Печерский патерик. С. 392–397.

⁵⁶ Данное обстоятельство очень хорошо прокомментировано И.Н. Данилевским (*Данилевский И.Н.* Проблемы понимания памятников общественной мысли Древней Руси // *Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 2. Период Ордынского владычества / Сост. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 9–10).*

⁵⁷ Примечательно, что новгородские священники, при составлении «Вопрошания» наоборот доверяли своим архиереям и иным авторитетам, видя в них лиц, которые уже по одному своему положению обязаны быть сведущими едва ли не во всех вопросах церковной жизни.

митрополите Никифоре и Кирилле Туровском не видели в литературных успехах этих святителей достоинств, заслуживающих внимания потомков. То есть часть духовенства не только не ожидала от своих иерархов образованности, но и как в истории ростовского епископа Кирилла полагала, что не архиерейское это дело читать книги и писать сочинения.

Есть все основания полагать, что часть священства ожидала от епископата иного, но чего? Пока мы не готовы однозначно разрешить данную проблему. Но комплекс вопросов к митрополиту Иоанну и ответы Нифонта на вопросы священника о пирах и внесение этой записи в «Вопрошание» позволят заключить, что в архиереях нередко желали видеть, прежде всего, князей церкви, строителей, власть имущих, судей, администраторов и распорядителей, впечатляющих окружающих своей внешностью, правами и решениями. В лучшем случае, от них желали «учительства», т.е. своего рода наставничества, что отнюдь не может рассматриваться в качестве синонима «интеллектуального образования»⁵⁸. В итоге, в религиозной жизни восточнославянского общества практически не встречаются богословские споры, а древнерусская библиотека не превышает неприятную для ума библиотеку рядового византийского или болгарского монастыря. При этом основное внимание проповедей и внутрицерковных разбирательств связаны с вопросами нравственности, хозяйственной и административно-канонической жизни и подчинённости, а также постов, т.е. явлений сугубо внешних и не предполагающих какой-то глубокой мыслительной деятельности, способной к настоящей ереси. В этом угадывается крайне неприглядное отношение какой-то части древнерусского общества к книжности епископа: похоже, чаще в тяге архиерея к чтению видели не насущную потребность, а развлечение, как это было в случае обличений в адрес Климента Смолятича со стороны пресвитера Фомы. Возникновению сложившейся ситуации способствовало и отношение к образованию и литературным упражнениям большинства самих архиереев.

Достаточно обратить внимание на то, что переводческая, литературная и проповедническая деятельность в Киеве была инициирована не митрополитами, а Ярославом Мудрым, вынужденным даже поучать священников⁵⁹. Подобная ситуация существует и вокруг проблемы действия епископских канцелярий и скрипториев. Создание самого крупного новгородского скриптория, деятельность которого подтверждается источниками, было завершено только при Ни-

⁵⁸Именно так был оценён Симон Суздальский (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448).

⁵⁹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139–141.

фонте (середина XII в.). Что касается остальных канцелярий, то об их деятельности и существовании можно только догадываться⁶⁰.

Сохранившийся корпус источников позволяет заключить, что основные интересы духовенства и епископата концентрировались вокруг вопросов богослужбной и духовнической практики, а также регламентации повседневного быта⁶¹. Правда, нельзя отрицать того, что при всей почти полной не востребоваемости в среде архиереев литературы познавательного и художественного свойства⁶², исключения всё же присутствовали. Они представлены немногочисленными «Хожениями», возможно, единичными историческими произведениями и какими-то познавательными текстами. Так, в «жидовских книгах», к которым тяготел прп. Никита, можно усмотреть не только книги Ветхого Завета, но и

⁶⁰Косвенными указаниями на существование органов, которые мы можем условно называть «канцеляриями», служат указания на существование архиерейских дворов, института клирошан, существование булл, для создания которых был необходим какой-то штат и инструмент. Что касается вопроса о принципах организации института епископской власти, то данный вопрос так или иначе получал освещение в исследовательской литературе (*Кантерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 2–8; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. С. 372–393; *Греков Б.Д.* Новгородский Дом святой Софии. СПб., 1914; *Флоря Б.Н.* Архиерейский дом: В кон. X–XVII в. // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 532–534; *Купорова Г.Ш., Фомина Т.Ю.* Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9).

⁶¹Судя по сохранившемуся корпусу источников, большая часть текстов, имевших хождение в кругу клириков, была представлена каноническими сборниками и богослужбной литературой. Что же касается агиографической литературы, которая также могла быть в употреблении у церковных лиц, то в таком случае нельзя не принимать во внимание, что цели её создания и применения также сосредоточены на вопросах воспитания и насаждения христианской нравственности, т.е. имели «прикладной» характер. Как убедительно констатировал В.М. Лурье, «агиография существует только там, где есть культ, и только в целях этого культа» (*Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxiома, 2009. С. 43). В этом ряду на особицу смотрятся «Хожения». Традиционно их относят к жанру *литературного путешествия* (см.: *Михайлов В.А.* Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX вв.: Дисс. к. филол. н. Волгоград, 1999), что, как нам видится, не вполне верно, когда дело касается хожений XII–XIII вв. Но и в таком случае расширения интеллектуальных и литературных опытов и интересов любознательность архиереев не преодолевала рамок религиозной практики, каковой является само паломничество, и получаемые в нём знания. В обозначенном плане «Хожения» рассматривались епископами в качестве познавательной литературы (*Кочеляева Н.А.* Памятники русской паломнической письменности (XII–XVII вв.) в мемориализации христианского культурного наследия: Дисс. к.и.н. М., 2004; *Малето Е.И.* Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков...).

⁶²В данном случае понимается не незнание этих текстов, а отсутствие к ним интереса.

«Историю иудейских войн» Иосифа Флавия, которая в древнерусском сознании была неотделима от книг Священного Писания⁶³. О знакомстве Климента Смолятича с какой-то «палейной» литературой и «шестодневами» можно судить по насмешкам пресвитера Фомы и по тем, рассуждениям, которые изложил святитель в последней части своего послания к своему оппоненту в священническом сане⁶⁴. Правда, судя по всему, знакомство названных архиереев с этой литературой произошло ещё до возведения на кафедру и, похоже, что с принятием на себя обязанностей по управлению церковным округом угасало. Во всяком случае, об увлечении Никиты «жидовскими книгами» во время его пребывания в Новгороде ничего не известно. Спорным остаётся и вопрос даты создания «Послания» к пресвитеру Фоме.

Приходится признать, что тягу к литературному творчеству, хотя и обусловленному исключительно церковными вопросами, сохраняли, главным образом, греческие митрополиты. Что же касается русского епископата, то книжные увлечения митрополитов Илариона и Климента, а также туровского епископа Кирилла и печерского воспитанника епископа Симона, связанных с иноческой традицией, смотрятся на фоне большей части древнерусского архиерейского корпуса явлением исключительным и нетипичным.

Как уже отмечалось, наибольшую тягу к книжному знанию проявляли представители монашества, что, возможно было обусловлено как социальными корнями насельников и их прежним воспитанием, так и особенностями организации быта и жизни монастыря, в котором монах, не обременённый излишними заботами, мог найти время для чтения. Насмешник Фома, очевидно, не был иноком. В послании он именуется лишь «пресвитером», что позволяет видеть в нём мирского священника. Скучность жизни значительной части мирского духовенства и материальная неустроенность едва ли могла способствовать его интеллектуальному росту⁶⁵. Далекое не всегда благоприятствовало литературным упражнениям городских и сельских пастырей и экономическое преуспевание.

⁶³Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 283.

⁶⁴Послание Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афанасием // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 140–148.

⁶⁵*Гайдено П.И.* Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Ч. 2 / Новг. гос. ун-т; ИФ РАН; отв. ред. В.В. Мильков. Великий Новгород, 2012. С. 139–157.

Социальное и материальное положение городских мирских священников было несколько лучшим и сближало их со «средними» городскими слоями, представленными купечеством, какими-то «административными» лицами и т.д.⁶⁶ Во всяком случае необходимо согласиться с мнением Я.Н. Шапова, полагавшего, что в домонгольской Руси клиросы городских храмов могли обладать «некоторыми городскими функциями широкого значения»⁶⁷. В данном отношении увлечение новгородского духовенства ростовщицеством позволяет сделать несколько предварительных выводов о социальных корнях этих пастырей. Подобная жизненная практичность позволяет говорить о наличии у пастырей начального капитала, известной жизненной хватки, грамотности, знаний счёта и, как бы сейчас сказали, «профессиональной» подготовки. Случайный человек не мог проникнуть в сферу денежных обращений. Кроме этого нельзя не принять во внимание то, что в средневековом городе распределение профессиональных функций между городскими группами подвергалось жесткой регламентации, а значит, ростовщическая деятельность новгородского духовенства была одобрена городскими верхами и воспринималась как неотъемлемое право священников. Поэтому среди причин, объяснявших снисходительное отношение епископа Нифонта к пастырям-ростовщикам⁶⁸ можно увидеть и нежелание архиерея осложнять отношения с духовенством, за которым стояли интересы городской знати, поддержка которой была необходима и властному Нифонту. Такая глубоко практическая направленность жизни мирских пастырей едва ли могла способствовать интеллектуальной жизни, основания которой обретаются в иррациональных и абстрактных процессах.

В данном отношении монашество выгодно отличалось от мирских «попов». Анализ созданных в иноческой среде летописных и иных, в том числе кано-

⁶⁶ Именно к таким выводам пришёл А.Е. Мусин при оценке материального и социального положения мирского духовенства в Новгороде и в Пскове. Подобная ситуация присутствовала и в Киеве. Участие софийских клириков в закреплении договора о покупке у города земли для Кириллова монастыря также наглядно служит подтверждением довольно высокого общественного статуса части мирских клириков в иерархической структуре города (*Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.: Вып. 1. Киев, 1966. С. 61–70 (25 граффити); *Котышев М.Д.* О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из Киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре: Сб. стат. к 70-летию проф. И.Я. Фроянова / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев. М., 2006. С. 164–174; *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 92–110).

⁶⁷ *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 126.

⁶⁸ *Вопрошание Кириково...* С. 414 (вопр. 4), С. 432–433 (коммент. 18–20).

нических произведений, позволяют говорить о знакомстве иноков Печерского, Выдубицкого и Антония Римлянина монастырей⁶⁹ с русскими летописными сводами, некоторыми «зарубежными» историческими текстами («Иудейской войной» Иосифа Флавия и «Хроникой» Георгия Амортала), библейскими книгами, космологическими теоретическими математическими расчетами, епитимийниками, разнообразными каноническими и правовыми сводами Византии и Европы, «Пелеями», «Шестодневами» и «Изборниками», агиографической литературой восточной и западной (скандинавской, ирландской и чешской) церковных традиций, большим корпусом назидательных святоотеческих текстов, из которых наибольшей популярностью пользовались творения Иоанна Златоустого. Понятно, что данная черта была характерна не для всякого монаха, а только для единиц, причём единиц небольшого круга монастырей. Однако и в таком случае отблеск этих знаний оставлял свой след на иноческой среде. Уже по одной этой причине епископат, выходявший из монашеской среды порой оказывался если и не способным к литературным опытам, то по крайней мере не чужд понимания важности такового, как это хорошо видно на примере Нифонта Новгородского.

Архиереи, оставшиеся в памяти как книжники-мыслители, оказались менее всего замеченными современниками, и едва ли оправданно видеть даже в самых образованных из епископов и митрополитов мыслителей. Лучшие из них с позиций достижений византийской словесности проявили себя лишь в малом: отчасти владели приёмами эпистолярного жанра, знали основные положения канонического права, были способны к составлению назидательных поучений. Некоторые из архиереев были знакомы с эклектичным содержанием Палей и Шестодневов, блестяще использовали приёмы придворной проповеди и дипломатической полемики. На фоне этого достижения митрополита Илариона и епископа Кирилла Туровского выглядят яркими исключениями, а грамотность даже самых образованных из новгородских святителей уступает глубине трудов иеромонаха Кирика. Плоды его творчества действительно позволяют говорить

⁶⁹Помимо названных обителей признаки интеллектуальной деятельности прослеживаются в Смоленске, наиболее вероятно, в обители Авраамия Смоленского, с именем которого связано не только его житие, но и приписываемые ему послания «Слово о небесных силах, чего ради создан был человек», «Слово о мытарствах и страшном суде», «Сказание о замогильной жизни» (Чумакова Т.В. Авраамий Смоленский: книжник и религиозный деятель // Ученые записки. Межнациональный гуманитарно-технический институт Поволжья. Т. 6. Материалы научно-практической конференции «Религиозный фактор в Восточной Европе: история и современный контекст». Чебоксары, 2004. С. 15–17), в Зарубской обители, из которой был «выведен» из затвора митрополит Климент Смолятич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340) и в некоторых иных монастырских центрах.

об этом иноке именно как о «мыслителе». Впрочем, всё высказанное выше представляет лишь предварительный очерк к работе, посвящённой образу древнерусского епископата, а поэтому со временем наверняка будет переосмыслено и уточнено.

Источники

1. Вопрошание Кириково // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М.: Круг, 2011. С. 351–428.
2. *Григорий Богослов, свт.* О себе самом и о епископах / Предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. иер. Алексея Ястребова // *Церковь и время*, 2003. № 1 (22) С. 106–172.
3. *Григорий Богослов, свт.* О себе самом и о епископах / Введение А.Г. Дунаева, предисл. еп. Илариона (Алфеева), пер. свящ. Алексея Ястребова // Сайт А.Г. Дунаева. URL: http://www.danuvius.orthodoxy.ru/De_episc.htm.
4. Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исайя епископа Ростовьскаго чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: «Наука», 2003. Т. 12. С. 254–261, 575–576.
5. Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, перевод и комментарий О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / Вступ. ст. Д.С. Лихачёва; под общ. ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева. М.: Худ. лит., 1978. С. 305–392; 456–458.
6. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Понько. СПб.: «Наука», 2004. С. 296–641.
7. Полное собрание русских летописей: Т. 1.: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
8. Полное собрание русских летописей: Т. 2.: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
9. Полное собрание русских летописей: Т. 3.: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. XII, 720 с.
10. Полное собрание русских летописей: Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвёртая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XXXVIII, 690 с.

11. Полное собрание русских летописей: Т. 10.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 244 с.
12. Послание епископа Даниила к Владимиру Мономаху (текст, перевод, комментарии) // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб., 1992. С. 29–58.
13. Послание Климента, митрополита русского, написанное к пресвитеру Фоме, истолкованное монахом Афонасием, Господи, благослови, отче! // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: «Наука», 1992. С. 124–137, 140–149.
14. Послание митрополита Иоанна к римскому папе Клименту III // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв.: Исследования. Тексты. Переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1992. С. 24–40.
15. Послание митрополита Кирилла к новгородцам // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 321, 640.
16. Послание о неделе // *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: «Наука», 1992. С. 14–15.
17. Послание Переяславль-русского митрополита Льва (Леона) об опресноках // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 321–335, 640–641.
18. Послание Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и о латыньской» // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 295–297.
19. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 140–143.

20. Слова и поучения Кирилла Туровского // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 202–236.

Литература

1. *Белоброва О.А.* О книге «Паломник» Антония Новгородского // Византийские очерки: Труды советских учёных к XV Международному конгрессу византистов / Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: «Наука», 1977. С. 225–235.
2. *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о Чине поставления епископов // Древняя Русь. 2011. № 2 (44). С. 118–119.
3. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.: Вып. 1. / Отв. ред. П. Н. Попов. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
4. *Гайденко П.И.* Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 207–225.
5. *Гайденко П.И.* Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Ч. 2 / Новг. гос. ун-т; ИФ РАН; отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород, 2012. С. 139–157.
6. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы) // Финно-угры – славяне – тюрки: Опыт взаимодействия (традиции и новации): Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, УдГУ; сост. и ред. А. Е. Загребин, В. В. Пузанов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 624–631.
7. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. 2011. 12 (227). С. 106–116.
8. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 83–92.

9. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1. Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства / Под ред. И. Н. Данилевского и И. П. Ермолаева; рец. Н. К. Гаврюшин, А.И. Мухамадеев, Я.В. Бухараев, Л.С. Астахова, свящ. Е.С. Харин. Казань; Набережные Челны: Тоис, 2008. 228 с.
10. *Галимов Т.Р.* Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. 2. С. 39–42.
11. *Галимов Т.Р.* Место церковной иерархии в византийской политике в отношении Киевской Руси // Казанская наука, 2012. № 10. С. 33–38.
12. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Том 1. Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 1. М., 1901. 968 с.; Ч. 2. М., 1904. 926, (XVII) с.
13. *Греков Б.Д.* Новгородский Дом святой Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. XIV, 544, 129 с.
14. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект Пресс, 2004. 383 с.
15. *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: СПбГУ, 2012. 412 с.
16. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2001. 936 с.
17. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
18. *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. 237 с.
19. *Колесов В.В.* Григорий, епископ Белгородский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: «Наука», 1988.

20. Колесов В.В. Кирилл Туровский: Творения блаж. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы: Исследования и тексты. М.: «Палея», 2009. 208 с.
21. Котышев М.Д. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из Киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре: Сб. стат. к 70-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. Ю. Г. Алексеев. М.: «Парад», 2006. С. 164–174.
22. Костромин К.А., священник. Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. 1(36). С. 6–97.
23. Кочеляева Н.А. Памятники русской паломнической письменности (XII–XVII вв.) в мемориализации христианского культурного наследия: Дисс. к.и.н. М., 2004. 313 с.
24. Купорова Г.Ш., Фомина Т.Ю. Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9.
25. Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009. 238 с.
26. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / Науч. ред. А. В. Назаренко. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. 704 с.
27. Малето Е.И. Повседневная жизнь удельной Руси в контексте «Хожений» русских путешественников XII–XV веков: дисс. д.и.н. Тамбов, 2011.
28. Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в. 2009. № 2. С. 116–157.
29. Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М.: «Круг», 2011. 544 с.
30. Митрополит Никифор / Исслед. В. В. Милькова, С.В. Милькова, С.М. Полянского; подг. текстов В. В. Милькова и С.В. Мильковой; пер. С.М. Полянского; коммент. А. И. Макарова, В. В. Милькова, С.М. Полянского. СПб.: ИД «Миръ», 2007. 560 с.
31. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX вв.: Дисс. к. филол. н. Волгоград, 1999. 199 с.

32. *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 364 с.
33. *Никольский М.Н.* История русской Церкви. М.: «Политиздат», 1985. 448 с.
34. *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878. 210 с.
35. *Пентковский А.М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. 432 с.
36. *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: «Наука», 1992. 216 с.
37. *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ: ПУ НАНУ, 2011. 152 с.
38. *Поснов М.Э.* История христианской церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель: «Жизнь с Богом», 1964. 614 с.
39. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: «Наука», 2003. 245 с.
40. *Соболевский А.И.* Два русских поучения с именем Григория // Известия отделения русского языка и словесности. Т. 12. Кн. 1. 1907. С. 250–262.
41. *Сон Джонг Со.* Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 228–239.
42. *Тальберг Н.Д.* История христианской Церкви. М.: «Интербук»; Нью-Йорк: «Астра», 1991. 845 с.
43. *Толочко П.П.* Страсти по митрополитам киевским // АНТІДОРОН: Сб. статей в честь 75 летия Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя. С. 110–118.
44. *Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: «Индрик», 2004. С. 211–262.
45. *Флоря Б.Н.* Архиерейский дом // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 532–534.

46. Хрусталёв Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.: «Евразия», 2002. 448 с.
47. Цыпин В., прот. Архиепископ // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 530–531.
48. Чумакова Т.В. Авраамий Смоленский: книжник и религиозный деятель // Ученые записки. Межнародный гуманитарно-технический институт Поволжья. Т. 6. Материалы научно-практической конференции «Религиозный фактор в Восточной Европе: история и современный контекст». Чебоксары, 2004. С. 15–17.
49. Шахматов А.А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Шахматов А.А. История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Ранние русские летописи X–XII вв. / Отв. ред. В. К. Зибров и В. В. Яковлев. СПб.: «Наука», 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 75–102.
50. Щапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси XI–XIII вв. М.: «Наука», 1989. 232 с.